

Въ склоненіи мѣстоименій языкъ Морейской хроники приближается къ новогреческому. Отмѣчаемъ характерныя новогреческія сочетанія ἐγὼ ἀτός μου 1878, ἀτός του 1842, ὁ λόγος του—«онъ» 3164. 66, πᾶσα ἄνθρωπος 5220. Оригинально въ хроникѣ τὸν ἐναυτὸν μου 2824 (v. index). Неопредѣл. мѣстоименіе nomin. sing. τινάς 870, nom. acc. plur. τινές 830. 4565. Форма числительныхъ: σαράκοντα 7440, ἐξήντα 8786.

Нашъ бѣглый пересмотръ явленій языка памятника далеко не претендуетъ на исчерпывающую полноту. Языкъ этотъ можетъ быть охарактеризованъ вообще, какъ стадія переходная. Въ этомъ отношеніи такія формы, какъ σαράκοντα (новогреч. σαράντα), ὅσπῃτι (ниразу σπῃτι, какъ въ новогреч.), срв. ὑπάγω, ὑπαντρεμένη (7455), ἄνοιξις τοῦ καιροῦ («весна», въ новогреч. просто ἡ ἄνοιξις), неустановленность причастныхъ формъ, колебаніе между старымъ неопредѣленнымъ и его новою замѣною и проч., заслуживаютъ вниманія.

Авторъ новаго изданія Морейской хроники оказалъ, такимъ образомъ, двойную услугу, лицамъ, интересующимся историческимъ содержаніемъ памятника, своимъ истолкованіемъ его, изслѣдованіемъ о его авторѣ, его отношеніи къ другимъ источникамъ нашимъ, и оцѣнкой его значенія, и лицамъ, занимающимся исторіей средне- и новогреческаго языка. Для послѣднихъ Морейская хроника въ критическомъ изданіи Шмитта является богатѣйшимъ предметомъ изученія.

С. Шестаковъ.

И. И. Соколовъ. *Константинопольская церковь въ XIX вѣкѣ.— Опытъ историческаго изслѣдованія.* — Томъ первый. 1) Внѣшняя исторія церкви. 2) Очерки дѣятельности патріарховъ. 3) Патріаршее управленіе. 4) Приложенія — Τὰ νεοελληνικά. С.-Петербургъ. 1904. Ц, 4 р. 75 к.

Предъ нами первый томъ широко задуманнаго труда профессора С.-Петербургской Духовной Академіи И. И. Соколова о состояніи Константинопольской церкви въ XIX вѣкѣ. Предметъ новый и мало, или вѣрнѣе — почти совсѣмъ не разработанный. Потому тѣмъ необходимѣе ознакомиться съ нимъ ближе.

Изслѣдованію своему авторъ предпосылаетъ «предисловіе», въ которомъ онъ первоначально знакомитъ читателя съ источниками и пособіями — Русскими, Западно-Европейскими и Греческими — по избранному имъ предмету (стр. I—XXXII), а затѣмъ начертываетъ планъ своего сочиненія (стр. XXXII—XXXV). Въ обзорѣ источниковъ и пособій авторъ, можно сказать, не оставилъ безъ вниманія ни одного сочиненія, такъ или иначе касающагося его изслѣдованія: сдѣланный имъ обзоръ литературы вопроса полный. Преимущественное значеніе въ избранномъ имъ предметѣ, конечно, имѣетъ Греческая литература, и авторъ ознакомился съ нею основательнымъ образомъ. Онъ изучилъ не только изслѣдованія, статьи и различные, разбросанные по разнымъ изданіямъ, до-

кументы, относящиеся къ исторіи Константинопольской церкви XIX вѣка, но еще многочисленные рукописные кодексы патріаршаго Константинопольскаго архива и нѣкоторые Аѳонскіе рукописные кодексы. Онъ знакомитъ и читателя съ этими документами и тѣмъ самымъ даетъ ему ясно понять, сколь великую цѣнность должны имѣть свѣдѣнія о Константинопольской церкви, предлагаемая имъ въ своей книгѣ (стр. XV—XXXII). Всѣ свѣдѣнія, заключающіяся въ обзорѣнныхъ авторомъ сочиненіяхъ и печатныхъ и архивныхъ документахъ, отрывочны; цѣльнаго, обстоятельнаго изслѣдованія объ избранномъ имъ предметѣ не имѣется въ литературѣ, ни въ Греческой, ни въ Западно-Европейской, ни въ Русской (за исключеніемъ «Очерковъ исторіи православной Греко-Восточной церкви въ XIX в. Спб. 1901»—самаго же автора). Поэтому почтенный профессоръ съ полнымъ правомъ могъ сказать о себѣ: «Намъ пришлось работать почти исключительно по первоисточникамъ, обширнымъ и разнообразнымъ» (стр. XV). Такимъ образомъ трудъ его долженъ быть причисленъ къ вполне самостоятельнымъ.

Самое изслѣдованіе свое авторъ открываетъ «вступленіемъ», въ которомъ, подъ заголовкомъ: «внѣшнее состояніе Константинопольской церкви съ половины XV до конца XVIII вѣка (1453—1789)», онъ, въ качествѣ фона, на которомъ должно вырисоваться общее состояніе Греческой церкви въ Турціи, предварительно изображаетъ устройство и основной характеръ оттоманской имперіи, какъ мусульманскаго государства (стр. 1—4), и затѣмъ описываетъ уже устройство православной Константинопольской церкви и государственное положеніе ея—юридическое и фактическое—въ имперіи Османлисовъ при султанѣ Магометѣ II и его преемникахъ (стр. 4—56). Этотъ вступительный очеркъ авторъ заканчиваетъ разсужденіями о значеніи Константинопольскихъ патріарховъ, іерархіи Константинопольской, фанаріотовъ и вообще Греческаго народа въ охраненіи и сохраненіи православной вѣры и церкви въ Турціи (стр. 57—65) и объ отношеніи Константинопольской церкви къ Россіи, или вѣрнѣе—Россіи къ православной церкви въ Турецкихъ владѣніяхъ, какъ защитницы православной вѣры и освободительницы православныхъ христіанъ отъ ига Турковъ (стр. 65—71). Въ сужденіяхъ о Грекахъ, Греческой іерархіи и даже о фанаріотахъ онъ уклоняется отъ укореившагося у насъ огульнаго порицанія всего Греческаго и старается держаться справедливой середины. Онъ говоритъ: «Надо положительно удивляться тому, что Греки не только не погибли въ мусульманской атмосферѣ... но и спасли св. вѣру православную, защитили права и прономіи церкви, сохранили идею народности и удержали свой родной языкъ» (стр. 57). «Не порицать нужно этихъ мучениковъ долга (патріарховъ) за ихъ вольныя и невольныя прегрѣшенія, а возможно болѣе—извинять, тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ весьма неохотно вступали на шаткій патріаршій престолъ, иные даже и бѣжали изъ столицы»... «Мы не отрицаемъ, что среди клириковъ, низшихъ и высшихъ, даже среди патріарховъ были, въ

теченіе XV—XVIII вѣковъ, и люди недостойные, служившіе орудіемъ постороннихъ виновниковъ (Турковъ и Латинянъ) смутъ въ нѣдрахъ Константинопольской церкви, но въ тоже время и утверждаемъ, что несправедливо, на этомъ основаніи, порочить всю іерархію, считать преимущественно ее повинной въ церковно-общественныхъ нестроеніяхъ и все содержаніе церковно-исторической жизни сводить къ однимъ недостаткамъ. Не научно ограничиваться только внѣшнимъ и видимымъ выраженіемъ церковной жизни, а необходимо обращать вниманіе и на внутреннюю ея сторону, на тотъ трудно уловимый духъ, который осмысливаетъ внѣшнія проявленія и сообщаетъ своеобразную дѣйственность и простымъ, на первый взглядъ, фактамъ» (стр. 61. См. стр. 62—63). Все это справедливо и предрасполагаетъ читателя въ пользу изслѣдованія почтеннаго профессора И. И. Соколова, какъ изслѣдователя безпристрастнаго и чуждаго односторонности.

Самое изслѣдованіе профессора И. И. Соколова раздѣлено на три отдѣла. Первый отдѣлъ посвященъ изображенію внѣшняго состоянія Константинопольской церкви въ XIX вѣкѣ и раздѣляется, въ свою очередь, на пять главъ. Въ первой главѣ описывается внѣшнее состояніе Константинопольской церкви при султанахъ Селимѣ III со времени его воцаренія, Мустафѣ IV и Махмудѣ II до Греческаго возстанія (1789—1821). Почтенный профессоръ яркими красками рисуетъ бѣдственное положеніе православныхъ христіанъ Востока въ указанное время, въ доказательство приводитъ многочисленныя примѣры мученичества христіанъ, служащіе, вмѣстѣ съ тѣмъ, превосходною характеристикой и бытовыхъ сторонъ жизни безправной Турецкой райи; указываетъ на политическо-гражданскую дѣятельность патріарховъ Григорія V и Каллиника V среди общаго гнета райи; выдвигаетъ заступничество Россіи за православныхъ христіанъ, выразившееся въ трактатахъ — Яскомѣ (1791 г.) и Бухарестскомъ (1812 г.); не умалчиваетъ о благихъ реформаторскихъ начинаніяхъ въ пользу христіанъ и самихъ султановъ, оказавшихся, однакожъ, безсильными провести въ жизнь эти начинанія, и даетъ, наконецъ, нѣкоторыя намекы на пробудившееся среди христіанъ движеніе къ религіозной, политической и гражданской свободѣ (стр. 72—153).

Во второй главѣ, носящей заглавіе: «Внѣшнее состояніе Константинопольской церкви отъ начала Греческаго возстанія до смерти Махмуда II (1821—1839)», профессоръ И. И. Соколовъ довольно подробно говоритъ о начавшейся (въ 1821 г.) борьбѣ Грековъ за религіозную и гражданскую свободу; объ обстоятельствахъ, подготовившихъ эту борьбу, и звѣрствахъ, въ теченіе ея, со стороны Турковъ, выразившихся въ массовомъ истребленіи Грековъ и особенно высшаго ихъ духовенства и лицъ наиболѣе вліятельныхъ, въ разрушеніи церковей и монастырей и во всевозможныхъ насиліяхъ и надругательствахъ; о заступничествѣ за гонимыхъ христіанъ Россіи, обезпечившей, послѣ побѣдоносной войны, права ихъ Адрианопольскимъ трактатомъ (2/14 сент. 1829 г.), которымъ,

кромѣ того, вызвано къ бытію независимое Греческое королевство (стр. 154—206), и о гражданско-политической дѣятельности патріарховъ: Евгенія II, Анеима III, Хрисанеа, Агаангела, Констанція I, Констанція II и Григорія VI, долженствующей обрисовать, въ связи въ реформами султана Махмуда II во второй половинѣ его царствованія, т. е. съ конца Греческаго возстанія, общее состояніе Константинопольской церкви за рассматриваемое время (стр. 206—237). Результатъ этой обрисовки: неизмѣнно тягостное положеніе православныхъ христіанъ въ Турціи, породившее новыхъ мучениковъ (стр. 237—244).

Третья глава посвящена обзору дѣяній въ царствованіе Абдуль-Меджида до начала Крымской войны (1839—1853). Здѣсь почтенный профессоръ сообщаетъ свѣдѣнія о реформахъ этого султана съ указаніемъ ихъ внутренней несостоятельности (стр. 245—258); о низложеніи патріарха Григорія VI по интригамъ Англійскаго посланника (стр. 258—268), и о гражданско-политической дѣятельности патріарховъ: Анеима IV, Анеима V, Германа IV, Мелетія III и Анеима VI, при продолжающемся угнетеніи православныхъ христіанъ со стороны Турковъ (стр. 268—298).

Четвертая глава обнимаетъ время отъ начала Крымской войны, до воцаренія султана Абдуль-Гамида, т. е. отъ 1853 г. по 1876 г. Въ этой главѣ первоначально авторъ говоритъ о поводѣ къ Крымской войнѣ и ея слѣдствіяхъ, какъ для православныхъ христіанъ въ предѣлахъ Турецкой имперіи, такъ еще и для Россіи, считавшейся доселѣ исключительною ихъ покровительницею (стр. 299—323); затѣмъ онъ ведетъ рѣчь о гражданско-политической дѣятельности патріарховъ Анеима VI и Кирилла VII съ характеристиккою общаго состоянія Константинопольской патріархіи за время Крымской войны и непосредственно послѣ объявленія Хатти-гумайюна (стр. 323—344), и, наконецъ, трактуетъ о реформахъ брата и преемника Абдуль-Махмуда, султана Абдуль-Азиса, съ указаніемъ полной ихъ бесплодности, сохраненія прежняго тяжкаго положенія православныхъ христіанъ въ Турціи, и низложенія и умерщвленія самого султана Абдуль-Азиса (стр. 344—362).

Въ пятой главѣ описывается внѣшнее состояніе Константинопольской церкви за время царствованія султана Абдуль-Гамида (1876—1900), и именно: въ началѣ говорится объ отношеніи Абдуль-Гамида къ вынуждаемымъ у Турціи Европейскими державами реформамъ и о состояніи православныхъ христіанъ въ первые годы его царствованія (стр. 363—378), затѣмъ идетъ интересный разсказъ о попыткахъ Порты лишить патріархію издревле дарованныхъ ей султанами правъ и преимуществъ (стр. 378—390), послѣ того обрисовывается общее тяжкое положеніе Турецкой райи въ концѣ XIX вѣка (стр. 390—397); въ заключеніе дѣлается ретроспективный взглядъ на все пройденное, съ предложеніемъ выводовъ, вытекающихъ изъ представленной документально обоснованной, внѣшней исторіи Константинопольской церкви (стр. 397—406).

Отдѣлъ второй посвященъ обзору дѣятельности Константинопольскихъ патріарховъ XIX вѣка. Отмѣтивъ предварительно значеніе и важность поста Константинопольскаго патріарха въ Восточной церкви подъ Турецкимъ владычествомъ, а также то обстоятельство, что, съ характеристикою личности и дѣятельности того или другаго патріарха дается одновременно знакомство и съ внутреннимъ состояніемъ церкви въ его время, почтенный профессоръ дѣлаетъ «обзоръ церковно-общественной дѣятельности» всѣхъ Константинопольскихъ патріарховъ XIX вѣка, однихъ—довольно подробный, другихъ—краткій, и даже очень краткій, смотря по важности и широтѣ дѣятельности описываемаго патріарха. Всѣ очерки жизни и дѣятельности патріарховъ написаны одинаково: сначала сообщаются біографическія свѣдѣнія о патріархахъ, а затѣмъ обзрѣвается ихъ церковно-религіозная и общественная дѣятельность. Описаніе жизни и дѣятельности ихъ И. И. Соколовъ начинаетъ съ Неофита VII, занимавшаго (вторично) патріаршію Константинопольскій тронъ съ 1799 г. по 1801 г., и кончаетъ Константиномъ V, управлявшимъ церковью съ 1897 г. по 1901 г., такимъ образомъ, онъ обзрѣваетъ дѣятельность 26-ти патріарховъ, изъ которыхъ нѣкоторые возсѣдали на патріаршемъ престолѣ по два и по три раза. Болѣе или менѣе подробные очерки составлены о патріархахъ: Неофитъ VII (стр. 408—415), Калиникъ V (стр. 415—428), Иереміа IV (стр. 428—436), Кириллъ VI (437—456), Григоріѣ V (456—495), Аноимъ III (496—505), Агаангелъ (510—522), Констанціѣ I (522—537), Аноимъ IV (539—548), Германъ IV (553—569), Иоакимъ II (579—592), Софроніѣ III (592—599), Григоріѣ VI (599—632), Аноимъ VI (632—651) и Иоакимъ III (651—672); объ остальныхъ патріархахъ: Евгениѣ II (стр. 495—496), Хрисанѣ (505—510), Констанціѣ II (537—539), Аноимъ V (549—553), Мелетіѣ III (570—571), Кириллъ VII (571—573), Иоакимъ IV (672—674), Діонисіѣ V (674—679), Неофитъ VIII (679—683), Аноимъ VII (683—685) и Константинъ V (685—690), даются, сравнительно, лишь краткія свѣдѣнія, конечно, въ большинствѣ случаевъ, по причинѣ кратковременнаго ихъ патріаршества. Составленные такимъ образомъ очерки жизни и дѣятельности Константинопольскихъ патріарховъ въ сущности представляютъ подробную хронику событій Константинопольской церкви за все время XIX вѣка. Мы получаемъ здѣсь свѣдѣнія о законодательствѣ по дѣламъ брачнымъ и бракоразводнымъ; о состояніи просвѣщенія Греческаго клира и народа и мѣрахъ къ поднятію его уровня, выразившихся въ учрежденіи школъ различнаго типа; о перемѣнахъ въ распредѣленіи епархій; о поведеніи клириковъ и епископовъ и мѣрахъ къ водворенію между ними церковной дисциплины; о монастыряхъ и монашествующихъ и разныхъ законоположеніяхъ, направленныхъ къ упорядоченію монастырской жизни и поднятію дисциплины среди монашествующихъ; о храмахъ и церковномъ богослуженіи; о разныхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ; о финансовомъ состояніи патріархіи, всегда тяжелою и угнетенною; о борьбѣ патріар-

ховъ съ иновѣрною пропагандой—латинскою и протестантскою. Такимъ образомъ получается широкая картина бытовой, религіозной и церковно-общественной жизни православныхъ христіанъ Константинопольской церкви въ теченіе XIX вѣка, охватывающая эту жизнь со всѣхъ сторонъ — радостныхъ и печальныхъ. Въ заключеніе отдѣла профессоръ подводитъ итогъ сказанному (стр. 690—693) и говоритъ,—что «служеніе ихъ (патріарховъ) церкви и народу было сплошнымъ подвигомъ, исполнено самоотверженія, тяжелыхъ испытаній, непрерывной борьбы, «великихъ скорбей». Посему, «не нападокъ и обвиненій заслуживаетъ вселенская патріархія, въ частности со стороны Русскихъ, а изумленія предъ самоотверженнымъ подвигомъ несенія тяжелаго креста, возложеннаго на нее по неисповѣдимымъ судьбамъ Промысла, и возможнаго содѣйствія въ этомъ подвигѣ, во славу православной Греко-Восточной церкви» (стр. 692. 693).

Отдѣлъ третій посвященъ обзору управленія Константинопольской церкви XIX вѣка. Этотъ отдѣлъ раздѣленъ на двѣ главы. Въ первой главѣ излагается устройство управленія Константинопольской церкви въ первой половинѣ XIX вѣка и преобразование его по началамъ хатти-гумайюна 1856 года. Для болѣе яснаго представленія дѣла, И. И. Соколовъ приводитъ первоначально содержаніе султанскихъ бератовъ, опредѣляющихъ права и привилегіи патріарха и управляемой имъ церкви, съ указаніемъ дѣйствительнаго, на дѣлѣ, проявленія и сохраненія этихъ правъ патріархами, не смотря на непрерывныя попытки Турковъ нарушить ихъ (стр. 694—710); затѣмъ описываетъ реформу патріаршаго управленія, совершенную патріархомъ Самуиломъ I, и слѣдитъ за судьбою ея до изданія хатти-гумайюна 1856 года (стр. 710—716); наконецъ, довольно подробно излагаетъ исторію церковно-административной реформы по началамъ хатти-гумайюна 1856 года (стр. 716—757).—Во второй главѣ излагается устройство управленія Константинопольской патріархіи, выработанное, въ промежутокъ времени отъ 1858 г. по 1860 г., на началахъ хатти-гумайюна 1856 года. Здѣсь И. И. Соколовъ приводитъ, большею частью въ буквальномъ переводѣ: 1) «Общіе уставы объ управленіи церковными и народными дѣлами»,—именно: а) уставъ объ избраніи и назначеніи патріарха (стр. 758—762); б) уставъ объ устройствѣ Свящ. Синода (стр. 762—768); в) уставъ народнаго постояннаго смѣшаннаго совѣта (стр. 768—772); г) уставъ о необходимыхъ качествахъ избираемыхъ на архіерейство и способѣ избранія ихъ (стр. 772—773), и д) уставъ о содержаніи вселенскаго патріарха (773—774),—на которые, вслѣдъ за этимъ, дѣлаетъ необходимыя замѣчанія съ указаніемъ попытокъ патріарховъ исправить ихъ и безуспѣшности этихъ попытокъ (стр. 774—782), и 2) какъ коррективъ къ перечисленнымъ «общимъ уставамъ», обозрѣваетъ «второстепенные органы патріаршаго управленія церкви Константинопольской». Сюда относятся: а) Патріаршая центральная церковная епитропія (стр. 782—788); б) патріаршая центральная

педагогическая епитропія (стр. 788—789); в) епитропія архіерейскихъ имуществъ (стр. 790); г) епитропіи: контрольная, совѣщательная и по завѣдыванію патріаршею ризницей и бібліотекою (стр. 790—791); д) церковный судъ (стр. 791); е) нотаріальная контора (стр. 792), и ж) штатъ различныхъ чиновниковъ при патріархѣ—духовнаго и свѣтскаго званія (стр. 792—798). Въ заключеніе говорится объ устройствѣ приходоу Константинополя и приходскаго клира (стр. 798—813).

Къ изслѣдованію сдѣланы, подъ особою пагинаціей, «приложенія»,—Тὰ νεοελληνικά (с. 1—150). Это—рядъ документовъ на Греческомъ языкѣ, служащихъ подтвержденіемъ сообщаемыхъ авторомъ свѣдѣній о Константинопольской церкви,—ибо онъ весьма часто ссылается на нихъ въ своемъ изслѣдованіи,—и впервые изданныхъ самимъ авторомъ. Но, кромѣ подкрѣпленія сообщаемыхъ авторомъ свѣдѣній, документы эти имѣютъ и самостоятельное значеніе: они могутъ служить источникомъ для дальнѣйшихъ работъ по исторіи Константинопольской церкви. Для облегченія читателямъ пользоваться обширнымъ предлагаемымъ трудомъ почтенный профессоръ приложилъ еще «указатель собственныхъ именъ, встрѣчающихся въ (его) изслѣдованіи» (стр. I—XX) и «хронологическій указатель документовъ, помѣщенныхъ въ отдѣлѣ Тὰ νεοελληνικά (стр. XXI—XXXI).

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе обширнаго труда достопочтеннаго профессора И. И. Соколова. Думается, что достаточно лишь этого общаго обзора содержанія его книги, чтобы видѣть ея великую цѣнность. И. И. Соколовъ пользовался почти исключительно Греческими источниками, напечатанными и архивными Греческими документами, которые онъ изучалъ со тщаніемъ. Равнымъ образомъ онъ весьма тщательно изучилъ и существующую, по избранному имъ предмету, литературу. Всѣ сообщенія его обоснованы документально, вслѣдствіе чего книга его навсегда останется драгоценнымъ пособіемъ при изученіи судебъ православной Восточной церкви подъ Турецкимъ игомъ. Трудолюбіе почтеннаго профессора изумительно и повсюду сквозитъ любовь его къ стонущей подъ игомъ Турковъ православной церкви, стремленіе познать и раскрыть подлинную ея духовную силу. Это рекомендуетъ автора, какъ страстнаго изслѣдователя еще весьма мало обследованной почвы. Сужденія его о Константинопольской церкви мягкія, весьма рѣзко отличающіяся отъ получившихъ у насъ, такъ сказать, право гражданства порицательныхъ, нерѣдко прямо бранныхъ, отзывовъ о дѣяніяхъ этой церкви. Указанная документальность его сообщеній даетъ его сужденіямъ силу и убѣдительность, заставляетъ читателя вдумываться въ событія глубже, познавать подлинную ихъ природу, внутреннюю связь ихъ.

Но, при всѣхъ указанныхъ достоинствахъ книги профессора И. И. Соколова, я позволю себѣ отмѣтить въ ней и нѣкоторые недочеты, по крайней мѣрѣ, съ моей точки зрѣнія.

Авторъ описываетъ исторію Константинопольской церкви въ теченіе

XIX вѣка. Естественно было ожидать отъ него указанія предѣловъ Константинопольскаго патріархата въ началѣ описываемаго имъ вѣка. Это особенно важно потому, что Константинопольскій патріархъ — не только верховный глава помѣстной Константинопольской церкви, но вмѣстѣ съ тѣмъ еще енархъ, или, какъ нерѣдко называетъ его авторъ, василевсъ всего православнаго народа подъ Турецкимъ владычествомъ. Какъ енархъ, или василевсъ, онъ имѣетъ вліяніе на всѣхъ православныхъ христіанъ Турецкой имперіи; какъ духовный глава, онъ управляетъ только своею церковью, своимъ патріархатомъ. Посему, для болѣе яснаго представленія дѣла, точное указаніе предѣловъ его духовной юрисдикціи было бы весьма важно. Къ тому же, вслѣдствіе проникновенія съ Запада подъ знаменемъ просвѣщенія, разныхъ раціоналистическо-протестантскихъ идей и начавшихся, по тѣсной связи съ ними, національныхъ движеній среди православныхъ христіанъ Турціи, изъ области Константинопольскаго патріархата выдѣлились церкви: Эладская, Румынская, Болгарская и др. Выдѣленіе ихъ, соотвѣтственно проникшимъ въ среду ихъ идеямъ Запада, совершалось революціоннымъ путемъ. При выдѣленіи руководители ихъ утверждали, что онѣ въ сущности никогда не были подчинены Константинопольскому патріарху, но что, напротивъ, онѣ всегда де были автокефальны. Авторъ касается этихъ церквей въ своемъ изслѣдованіи. Безъ указанія первоначальныхъ предѣловъ Константинопольской патріархіи разсмотрѣніе указаннаго вопроса о нихъ не является яснымъ.

Второй отдѣлъ, представляющій «Очерки дѣятельности патріарховъ Константинопольской церкви XIX вѣка», также вызываетъ на возраженія. Я отмѣтилъ, что эти очерки дѣятельности Константинопольскихъ патріарховъ въ сущности не что иное, какъ хроника дѣяній Константинопольской церкви за указанное время. Событія въ этой хроникѣ не классифицированы, но сообщаются годъ за годомъ примѣнительно къ годамъ правленія этихъ патріарховъ. Отсюда является разбросанность приведенныхъ авторомъ сообщеній, затрудняющая ихъ усвоеніе. Наприм., по дѣламъ брачнымъ или по школьному вопросу, а также и по другимъ вопросамъ дѣлали распоряженія многіе патріархи. Нуженъ особый трудъ — и нелегкій, — чтобы изъ разбросанныхъ сообщеній по тому или другому вопросу составить цѣльное представленіе объ общемъ ходѣ его въ теченіе столѣтія. Видимо, авторъ представилъ дѣятельность патріарховъ въ отдѣльныхъ очеркахъ для того, чтобы тѣмъ ярче выдвинуть наиболѣе дѣятельныхъ патріарховъ. Думается, что эта цѣль одинаково была бы достигнута и при другомъ распредѣленіи собраннаго имъ матеріала, — распредѣленіи по роду сообщаемыхъ событій. Тогда весь второй отдѣлъ долженъ исчезнуть и войти въ другіе отдѣлы, составленные соотвѣтственно характеру и свойству совершившихся событій. Думается, что, при такой распланировкѣ матеріала, сочиненіе значительно выиграло бы

въ ясности и живости представленія, читатель весьма легко могъ бы запримѣтить внутреннюю связь однородныхъ явленій.

Замѣчанія автора на «общіе уставы», выработанные, въ теченіе 1858—1860 годовъ на основаніи хатти-гумайюна 1856 года, для управленія Константинопольскою церковью, совершенно вѣрны и заслуживаютъ полнаго одобренія (стр. 774—779); но они, по моему мнѣнію, не совсѣмъ согласуются съ его очень рѣзкими осудительными отзывами о геронтизмѣ и геронтахъ. Судя по его отзывамъ, геронты—сплошное зло въ Константинопольской церкви (стр. 716 и сл.). Между тѣмъ это—не совсѣмъ такъ. Геронты—митрополиты, постоянные несмѣняемые члены постояннаго патриаршаго синода, получившаго свое устройство при патриархѣ Самуилѣ. Какъ таковые, какъ несмѣняемые члены синода, они вызваны необходимостью. При частой смѣнѣ патриарховъ, престолъ патриаршій сдѣлался игрушкою произвола, страстей и интригъ. Явилась полная его неустойчивость, грозившая потрясеніемъ традицій, характеризующихъ Константинопольскую церковь какъ исторически сложившееся органическое цѣлое православнаго типа. Поговаривали даже о закрытіи патриархата. При такихъ обстоятельствахъ митрополиты—несмѣняемые члены постояннаго синода (геронты)—являлись надежными хранителями порядковъ и традицій Константинопольской церкви. Для этой именно цѣли они и учреждены, и, какъ таковые, они сослужили свою службу. Указаніе на то, что существованіе геронтовъ въ синодѣ не можетъ быть согласовано съ правилами церкви, въ сущности только увертка, являющаяся при желаніи во что бы то ни стало устранить ихъ, какъ неприятный тормазъ. Синодъ при патриархѣ, по канонамъ, долженъ состояться изъ митрополитовъ. Когда онъ составлялся разъ или два раза въ годъ, митрополиты должны были являться на него всѣ, равно какъ всѣ и расходились по своимъ епархіямъ, когда засѣданія синода оканчивались. Но когда былъ учрежденъ постоянный синодъ,—присутствіе на немъ постоянныхъ членовъ-митрополитовъ, при указанной частой смѣнѣ патриарховъ, явилось необходимою. Однакожъ, этимъ отнюдь не нарушено правило, чтобы синодъ при патриархѣ состоялъ изъ митрополитовъ; онъ дѣйствительно состоялъ изъ митрополитовъ. Вѣдь церковныя правила не знаютъ и постояннаго синода. Даже *σύνδος ἐνδημοῦσα* не можетъ быть названъ постояннымъ синодомъ. Самое большее—онъ можетъ быть названъ лишь исторически сложившимся прототипомъ этого послѣдняго, т. е. вмѣсто того, чтобы довольствоваться случайно пребывающими въ Константинополѣ митрополитами и епископами для составленія синода при рѣшеніи возникающихъ важныхъ дѣлъ, рѣшено дать ему постоянную форму, болѣе соответствующую народившимся потребностямъ церкви. При этомъ, однакожъ, не устранена совсѣмъ и прежняя форма—приглашать на соборъ, въ случаѣ рѣшенія особенно важныхъ дѣлъ, и случайно находящихся въ Константинополѣ митрополитовъ и епископовъ; она практикуется и доселѣ.

Что же касается разныхъ обвиненій, выдвинутыхъ противъ геронтовъ, то относительно ихъ нужно замѣтить, что они во многомъ преувеличены. Замѣчательно, «общіе уставы» составлены послѣ коварнаго, совершеннаго вопреки дѣйствующаго устава, удаленія митрополитовъ-геронтовъ изъ Константинополя,—да они ради того именно и удалены были изъ Константинополя, чтобы безъ нихъ возможно было провести «либеральныя» начала хатти-гумайюна въ управленіе Константинопольскою церковью. Замѣчательно также, что первый патріархъ, избранный по руководству «общихъ уставовъ», былъ изъ геронтовъ. Еще болѣе замѣчательно то, что патріархи, хлопотавшіе о пересмотрѣ «общихъ уставовъ», какъ несовершеннолетнихъ и антиканоническихъ, предлагали опять ввести геронтизмъ въ синодъ, т. е. постоянныхъ, не смѣняемыхъ членовъ синода изъ митрополитовъ ближайшихъ къ Константинополю епархій (см. стр. 779). Все это съ несомнѣнностью показываетъ, что лица, дѣйствительно заботящіеся о благѣ церкви, были въ общемъ высокаго мнѣнія о геронтахъ и геронтизмѣ (названіе: геронтизмъ, геронты,—народнопочетное, бытовое, а не официальное, каноническое), и всецѣло расходились во взглядахъ на нихъ съ тѣми, которые, желая реформировать Константинопольскую церковь по либеральнымъ началамъ Запада, «устранить клерикализмъ изъ Константинопольской церкви», всячески хулили геронтовъ, чтобы подорвать ихъ авторитетъ и, такимъ образомъ, удалить ихъ съ своего пути, какъ именно «носителей клерикализма» и, потому, какъ крайне нежелательную помѣху въ предпринятой реформѣ. Однакожь, однимъ хуленіемъ не успѣли подорвать авторитета геронтовъ, потребовалось насильственное удаленіе ихъ изъ Константинополя. Еслибъ авторъ посмотрѣлъ на геронтовъ съ указанной точки зрѣнія,—его очеркъ борьбы «реформаторовъ» по началамъ хатти-гумайюна 1856 года съ геронтами получилъ бы иной видъ, ближе соотвѣтствующій дѣйствительности, и самыя сужденія его о геронтизмѣ во многомъ измѣнились бы. Но авторъ, видимо, связалъ себя неблагоприятнымъ отзывомъ о геронтахъ нашего знаменитаго іерарха, Филарета, митрополита Московскаго. Напрасно. Ниже (стр. 776), критикуя «общіе уставы», авторъ самъ же замѣчаетъ, на основаніи тѣхъ же отзывовъ митрополита Филарета: Вслѣдствіе подвижности состава синода, въ немъ могутъ и не быть опытные члены. Іерархи, имѣющіе двухлѣтній опытъ синодальной дѣятельности, замѣняются членами новыми, которые, большею частью бывають мало знакомы съ идейнымъ направленіемъ центральной администраціи, привносятъ въ церковныя дѣла общаго характера свои личныя воззрѣнія и симпатіи, иногда совершенно расходящіеся съ основными задачами патріаршаго и синодальнаго управленія. Всѣ неудобства частой смѣны синодальныхъ членовъ отражаются, прежде всего, на положеніи и дѣятельности патріарха, которому постоянно и приходится имѣть дѣло съ новыми сотрудниками, вводить ихъ въ курсъ церковной политики, оправдывать образъ своихъ дѣйствій и привлекать на свою сторону. Но

тутъ возможны самыя разнообразныя коллизіи» и пр. Это замѣчаніе авторъ дѣлаетъ при предположеніи, что патріархи остаются на своемъ мѣстѣ пожизненно. Но въ дѣйствительности они смѣняются также часто, какъ синодальные члены (по новому уставу),—что же тогда?.. Равно также авторъ слишкомъ много довѣрился въ сужденіи о геронтахъ г. Стефану Караеодори, утверждавшему о геронтахъ, что они—«излишни и вредны въ церковномъ управленіи». Авторъ титулуетъ этого Ст. Караеодори «однимъ изъ авторитетныхъ Греческихъ знатоковъ каноническаго права» (см. стр. 716, 738—740, 729). Относительно этого утвержденія достопочтеннаго профессора замѣчу, что Караеодори игралъ такую же роль при реформѣ управленія Константинопольской патріархіи по началамъ хатти-гумайюна 1856 года, каковую, напр., Θεоклитъ Фармакидъ при устройствѣ синода церкви королевства Греческаго въ 1833 году или Александръ Куза съ сподвижниками при устройствѣ Румынской церкви. Караеодори—канонистъ болѣе въ протестантскомъ духѣ, чѣмъ въ православномъ; если принять его каноническіе принципы, то необходимо нужно придти къ заключенію, что патріархи, митрополиты и т. д. не соотвѣтствуютъ апостольской церкви; они не законны. «Отмѣнить ихъ, какъ незаконное учрежденіе!» Не думаю, чтобъ авторъ согласился съ этимъ выводомъ.

Теперь нѣсколько замѣчаній относительно переводовъ автора, его языка. На стр. 769 авторъ пишетъ: «которыхъ (т. е. свѣтскихъ членовъ постоянного народнаго смѣшаннаго совѣта) должны избрать, безусловнымъ большинствомъ голосовъ, всѣ члены собранія» и пр. Читатель невольно задается вопросомъ: что это за безусловное большинство голосовъ? Изъ предложеннаго авторомъ перевода уразумѣть трудно. Между тѣмъ дѣло очень простое: Греческое слово: ἀπόλυτοςъ равносильно absolu. Въ выборныхъ учрежденіяхъ «абсолютное большинство» означаетъ такое большинство, которое превышаетъ «меньшинство» лишь однимъ голосомъ т. е. для рѣшенія извѣстнаго дѣла достаточно перевѣса лишь въ одномъ *решающемъ* (ἀπόλυτῳ) голосѣ. Соответственно сему, переводъ въ указанномъ мѣстѣ книги автора долженъ получить иную конструкцію. На стр. 772 И. И. Соколовъ пишетъ: «Члены названнаго совѣта обязаны обращать вниманіе на то, чтобы патріархъ прилагалъ всякое попеченіе и ревность къ прекрасному устройству всѣхъ расположенныхъ въ императорской имперіи и принадлежащихъ православнымъ святымъ мѣстѣ» и пр. Очевидно, конструкція словъ и этого перевода должна быть измѣнена: вмѣсто «къ прекрасному устройству», по моему, лучше сказать: «къ благоустройству», вмѣсто «въ императорской имперіи»—въ «имперіи султана» или падишаха.

Почтенный профессоръ имѣетъ большое пристрастіе къ иностраннымъ словамъ и нѣсколько вычурнымъ выраженіямъ. Такъ, напр., на стр. 5 онъ пишетъ: «Необходимо было создать для нихъ такой *modus vivendi*, при которомъ можно было бы получить отъ нихъ *maximum*

пользы». По моему мнѣнію, ту же самую мысль можно отлично выразить и безъ «modus vivendi», и безъ тахішум пользы».—На стр. 221 читаемъ: «Новое государство (Эладское) сдѣлалось центральнымъ очагомъ свободной христіанской гражданственности» и пр. Очагъ, да еще центральный,—какъ это понять? Неясна мысль и въ словахъ: «свободной христіанской гражданственности». Либерализмъ не совпадаетъ съ христіанствомъ, современный либерализмъ принципиально враждебенъ христіанству, и «свободная гражданственность» Греческаго королевства во многомъ явила себѣ враждебною «христіанской гражданственности» того же королевства съ самаго начала его основанія.—На стр. 471-й авторъ говоритъ: «Патріархія... на каждомъ пунгѣ потеряла 60 grosievъ». Стр. 507: «Лишь въ виду экономіи допускались браки въ запрещенныхъ степеняхъ родства». Стр. 541: «Этимъ (т. е. назначеніемъ и перемѣщеніемъ учителей, опредѣленіемъ имъ жалованья и т. д.) завѣдуютъ ефоры и епитропы школъ, которые и вознаграждаютъ учителей изъ церковнаго пангарія». Не думаю, чтобы приведенныя и другія подобныя фразы были ясны для читателя. Какую, напр., слѣдуетъ разумѣть экономію? Авторъ нигдѣ не объясняетъ, и незнакомый съ этимъ терминомъ, какъ онъ является въ исторіи церкви, затруднится понять мысль автора. Вообще термины: grosievъ, пунгъ, прокрить, прономіи, киноть, сигиллій, питтакій, и т. д., и т. д., и т. д. пестрятъ, можно сказать, на всѣхъ страницахъ обширнаго труда почтеннаго профессора. Читатель запутывается въ этихъ терминахъ. Конечно, было бы лучше, если бы они были переданы установившимися и принятыми въ Русскомъ языкѣ соотвѣтственными имъ терминами.

Близкое ознакомленіе съ отношеніями магометанъ-турковъ къ православнымъ христіанамъ, естественно, родило въ авторѣ нерасположеніе къ Турецкому магометанскому правительству. Однакожь, съ нѣкоторыми осудительными его отзывами касательно Турковъ и Турецкаго правительства я не могу согласиться. Такъ, напр., на стр. 654 онъ пишетъ: «Коварство Турецкаго правительства, хитрость и интриганство турецкой дипломатіи, сгумѣвшей обойти на Парижскомъ конгрессѣ 1856 года дипломатовъ Европейскихъ и внушить имъ увѣренность въ спасительномъ значеніи хатти-хумайюна того же года, который, однако, остался только на бумагѣ и не сообщилъ христіанамъ ни малѣйшей доли своей цѣлебной силы,—все это привело только къ извращенію старыхъ завѣтовъ и поколебало древніе устои церкви». Турецкой дипломатіи не предстояло надобности «внушить Европейскимъ дипломатамъ увѣренность въ спасительномъ значеніи хатти-гумайюна 1856 года»: этотъ самый хатти-гумайюнь былъ всецѣло плодомъ побѣдившихъ Россію Западно-Европейскихъ, враждебныхъ православію, державъ, навязанъ этими державами Турціи какъ цѣлительный актъ, выражающій принципы Европейской культуры, и одинаково былъ противенъ какъ началамъ и устоямъ имперіи Османлисовъ, такъ равно началамъ и издревле установившимся традиціямъ

православной Константинопольской патріархіи. На Парижскомъ конгрессѣ властно распоряжались побѣдившіе Россію Западно-Европейскіе опекуны Турціи, а дипломатія Турецкая играла даже болѣе жалкую роль, чѣмъ Русская. Не Турецкой дипломатіи, попавшей въ позорное рабство къ яко-бы благодѣтельствующимъ Турціи Европейскимъ державамъ, «обойти» искушенныхъ въ интригахъ дипломатовъ этихъ державъ!..

Не могу согласиться и съ нѣкоторыми «патріотическими» сужденіями достопочтеннаго профессора И. И. Соколова. Напр., на стр. 723 онъ говоритъ: «Противодѣйствіе на мѣстѣ (въ Константинополѣ) было на столько сильно, что даже могучій голосъ знаменитаго святителя (Филарета, митрополита Московскаго) не всегда господствовалъ надъ безпорядочной разногласицей Турецкихъ министровъ, Европейскихъ дипломатовъ, геронтовъ и свѣтскихъ представителей Греческаго народа».—По прочтеніи этихъ «патріотическихъ» словъ, позволительно спросить: «да, вообще господствовалъ ли?» Конечно, голосъ митрополита Филарета былъ силенъ въ Россіи. Но... Турецкіе министры, Европейскіе дипломаты, даже геронты и свѣтскіе представители Греческаго народа руководствовались своими авторитетами, своими интересами, какъ ихъ понимали, а отнюдь не «могучимъ голосомъ» Филарета, который былъ для нихъ совѣтъ не указъ.

При изданіи своей книги авторъ употребилъ великое стараніе; однакожъ, встрѣчаются очень важныя неисправленныя опечатки. На стр. 175,5 напечатано: «по своей обузданности», вмѣсто: «по своей необузданности», на стр. 261,10—«какъ обозрѣніе было до Христа», вмѣсто: «какъ обрѣзаніе было до Христа»; на стр. 313,16—«генеральный совѣтъ» вмѣсто: «генеральный синодъ».

Еще одно пожеланіе исправленія: авторъ пишетъ-то Кораи, то Кораисъ, то Ипсиланти, то Ипсилантисъ и т. д. (см. стр. 79, 95, 157, 160, 184 и др.). По моему мнѣнію, лучше держаться одной какой-нибудь транскрипціи.

Въ заключеніе еще разъ не могу не привѣтствовать капитальнаго труда И. И. Соколова. Желательно быстѣйшее и широкое его распространеніе, но вмѣстѣ съ этимъ желательно также, чтобы при второмъ изданіи своей книги онъ исправилъ неизбѣжныя во всякомъ трудѣ недостатки, особенно когда этотъ трудъ появляется на свѣтъ въ первый разъ.

О. Кургановъ.

F. Chalandon. *Essai sur le règne d'Alexis I-er Comnène (1081—1118).* Paris, A. Picard et Fils, éditeurs, 1900, LII+346 стр. 8°. (Mémoires et documents publiés par la Société de l'Ecole des Chartes, IV).

Рядъ отдѣльныхъ монографій о царствованіяхъ византійскихъ императоровъ,—монографій, написанныхъ на основаніи, по возможности, всего доступнаго матеріала, уже давно признанъ желательнымъ и необходимымъ